

Театр есть исповедь

Сегодня в Туркменском государственном ордена Трудового Красного Знамени Академическом театре драмы им. Молланепеса — праздник. Артисты и режиссеры театров республики, приехавшие в Ашхабад на традиционный фестиваль «Элемгошар», мастера искусств и деятели культуры, поклонники сценического искусства отмечают, хотя и с опозданием на два года, 60-летний юбилей первого национального театра Туркменистана.

Накануне торжества журналист встретился с народной артисткой СССР, лауреатом Государственной премии СССР Соной МУРАДОВОЙ и художественным руководителем, главным режиссером театра-юбилея и Молодежного экспериментального театра-студии заслуженным деятелем искусств Туркменистана, лауреатом Государственной премии СССР Какаджаном АШИРОВЫМ.

Несколько слов о моих собеседниках, так как ни тот, ни другой в подробном представлении, мне кажется, не нуждается. Сона Мурадова — одна из известнейших и любимых народом актрис, чья судьба и жизнь неотделимы от туркменского театра. И сегодня зритель — и городской, и сельский — ходит в театр «на Сону Мурадову».

А Какаджан Аширов совсем недавно буквально потряс театральный мир своим спектаклем «Джан» по одноименной повести Андрея Платонова. Этой талантливой работой заявил о себе организованный К. Ашировым в марте 1988 года Молодежный экспериментальный театр-студия. Две недели назад создатели «Джан» удостоены высокой награды: им присвоено звание лауреатов Государственной премии СССР.

— Скажите, пожалуйста, Сона Мурадевна, что значит для вас театр?

— Пусть не покажется читателям газеты мой ответ чересчур громким или выпендренным, но театр для меня — жизнь, ее хлеб, ее соль. Жизнь моя держится театром. Я даже не позволяю себе болеть, чтобы, не дай Бог, не подвести театр, чтобы вдруг из-за меня не отменились бы спектакли или не состоялись бы гастроли. Пока позволяет здоровье, пока меня хочет видеть зритель и я не потеряла профессионализма, буду играть все, что бы ни предложил режиссер, независимо от того, маленькая эта роль или большая.

Театр дал мне столь много прекрасного и нового, как, впрочем, и всему турк-

менскому народу, что я затрудняюсь все это просто перечислить. Он одарил меня человеческой и творческой дружбой со многими талантливыми людьми и большими артистами. Аман Кульмамедов и Базар Аманов, Алты Карлиев и Клыч Бердыев, Огулькурбан Дурдыева и моя сестра Сурай Мурадова, Галпак Херраев и Назар Бекмиев — это они, мои неизменные партнеры по сцене и надежные товарищи в обычной жизни, были первыми артистами первого туркменского театра.

Театр — это возможность рассказать своим землякам обо всем, что волнует, о времени и о человеке выразительным языком сценического искусства. Это удивительное средство познакомиться и подружиться людей, говорящих на разных язы-

ках, сделать их ближе, понятнее друг другу.

Туркменский профессиональный театр есть детище Октябрьской революции. Сколько истинных талантов так бы и остались скрытыми в кладках, не раз повторял Берды Кербобаев, если бы в Туркмению не пришла революция. И хотя сегодня мы говорим о необходимости возвращения к национальным народным истокам и многое в этом направлении уже делается, профессиональный театр есть и, надеюсь, останется в нашей жизни, как школа, библиотека, музей, кинематограф...

— И для меня театр — это прежде всего возможность высказаться по самым острым вопросам бытия, человеческих отношений, — вступает в разговор Какаджан Аширов. — Ис-

кусство есть исповедь, сказал поэт, в нем отражается душа художника, которая и свою очередь формируется под непосредственным воздействием эпохи.

Еще совсем недавно режиссерский политеизирован, конъюнктурен. Важна была идея, но не ее художественное воплощение. И наш брат-режиссер зачастую шел на компромисс, делая репертуар театра был чуждого рода юбилейные, «датские» (к датам) спектакли. Но театр держался не благодаря, а вопреки им, потому что игрались и другие вещи — о вечном и прекрасном, ставились классика: «Любовь», «Кеймир-кёр», «Ревизор», «Отелло». А в последние пять-шесть лет почти весь репертуар театра — спектакли на так называемые производственные,

сельские, исторические темы — катастрофически «растаял», морально устарел. Созданные на злобу дня, они оказались не актуальными сегодня, не созвучными нашим поискам общечеловеческих ценностей.

Сейчас театр находится в поисках... театра. Он возвращается на круги своя — обращается к вечным темам: как человеку человеку быть, как человеку с человеком жить. Это — глобальные, общечеловеческие проблемы, которые волновали и античный театр, и Шекспира, и Чехова. А еще раньше на эти же вопросы люди пытались ответить в мифах, легендах, притчах. В них, как в Библии и Коране, в отточенной и созерненной

(Окончание на стр. 2)